

НАШ ОБЩИЙ ДРУГ

К 70-летию со дня рождения

Л. УТЕСОВА

РАЗРЕШИТЕ МНЕ назвать его именно так. Леонид Осипович Утесов — любимый зрителем, или, как говорили в старину, любезен его сердцу. Его популярность высока, и оркестр, возглавляемый Утесовым, является гордостью советской эстрады.

Поскольку отмечается юбилей персональный, будем говорить, не отвлекаясь от темы, раз уж представился такой превосходный случай — 70-летие нашего общего друга.

В средние века странствующих музыкантов из простого сословия называли менестрелями, их любили и охотно слушали в городах и весях.

Вагнер посвятил свою оперу «Нюрнбергские мастера пения» Гансу Саксу, мастерзингеру XVI века. Адольф Сакс, потомок Ганса Сакса, изобрел саксофон очень давно, в 1845 году. Сакс, так же как русский композитор А. Глазунов, написавший концерт для альтового саксофона и струнного оркестра, вероятно, не предполагал, что сей инструмент будет одно время объявлен вне закона ревнителями «чистой» музыки.

А ведь саксофон по звуку приближается к звуку человеческого голоса, придает игре оркестра певучесть, хорошо построенный саксофонный аккорд напоминает орган.

Сведения эти почерпнуты мной от Л. О. Утесова. Верю им, именно ему прежде всего приходилось вразумлять гонителей саксофона, видевших в этом инструменте чуть ли не основное оружие буржуазной музыкальной культуры. Ведь джаз немислим без саксофонов. А джаз... Не будем раньше времени спорить о значении советского джаза и обратимся к его прародителю.

О менестрелях всегда говорят в множественном числе. Утесов же один. Оригинальная индивидуальность Утесова доказана десятилетиями неопровержимых успехов. Утесов всегда находил пути прежде всего к чувствам, к сердцам зрителей, и методика его поисков покажется однообразной только для тех, кто никогда сам не творил, предпочитая согреться возле обдуленных административным пылом головешек. Нам, современникам Утесова, хорошо знавшим не только его радости, но также невзгоды и огорчения, хочется с удовлетворением отметить, что рифы и мели, также как и густые туманы, остались позади, сохранились только в записях вахтенного журнала. Пароход «Тургенев», ставший с легкой журналистской руки Утесова символом критической качки, сменил быстрыми шагами лай-

нерами и кораблями-молниями на подводных крыльях.

...Помню нам, молодым людям, приехавшим в 20-х годах учиться и работать в Москву, удалось попасть в мюзик-холл на Утесова, немедленно очароваться им на всю жизнь. У него мы научились быть веселыми, неунывающими, такими же искрометными.

Когда к концу представления публика, как обычно, тронулась «за галошами», Утесов объявил со сцены: «Кто раньше уйдет, пожалеет! Мы приготовили вам приятный сюрприз!».

У входа был натянута киноэкран. На полотно перенесено действие из зала, а репродукторы (тогда еще редкие) на всю площадь (ныне Маяковскую), разносили впоследствии прославленную песню «Пока». Так советский мастерзингер начал свое турне. Отныне администраторы могут быть спокойны: на концертах Утесова всегда полный аншлаг. Скука, кривлянье, искусственные позы изгнаны с подмостков утесовского театра. Каждая программа поражает неожиданностями, вызывает восторг зрительного зала.

Вот как может обернуться дело, когда за «моду» берется умный человек, когда во главе геометрического угла успеха стоит здоровое чувство патриотизма, а не потрафление дурным вкусам, когда актер ведет, а не тащится на чужой веревочке.

Этим бесконечно дорог нам Леонид Утесов!

А разве не было глухоты, кривых губ, шаманских упреков, издевок? Кто они, шаманы? Кристальные эстеты? Нет! Они могли спокойно разрешить нанести на эстраду всякий непотребный мусор. Они сидели сложа ручки, когда действительно следовало бы засучить рукава, изгоняя пошлятину. На Дерибасовской ответили бы так: «Что ты с них хочешь, ведь они же ненормальные!».

Даже название оркестра стыдливо переименовывали — какая разница: государственный оркестр? Фамилия ведь на афише та же, крупными буквами: на нее прет зритель! Утесова трудно переименовать, как невозможно причесать по-другому. Утесов оригинален и не поддается нивелировке. Из него не натешешь верстовых столбов, пусть даже для благой цели провешивания столбовой дороги эстрады.

Некоторые считают — популярность пришла через кино. «Веселье ребят» открыли Утесова. Мне кажется, наоборот, Утесов и его коллектив открыли «Веселье ребят». Мог ли даже такой талантливый постановщик, как Г. Александров, сделать эту картину без джаза Утесова? Безусловно, нет! Впервые на широкой арене народного искусства столкнулись и победили энтузиасты разных жанров — Утесов, Александров, Дунаевский, Лебедев-Кумач!

Утесов — живое воплощение самого острого жанра. Он помогает нам понять, в чем сила под-

линного искусства, оптимизма, где скрыты ключи, безошибочно открывающие любые сердца, прекрасно меняющие настроения. Зритель уходит с зарядом жизни, а не в унынии. Вглядитесь в зал. Какое освежающее дуновение проходит там, когда появляется Леонид Утесов! Все заранее предвидят самое хорошее, настаивают себя, хотя нет, это он, маг сцены, настраивает и подчиняет пришедших послушать его, в его руках трумблеры различных диапазонов, а не отмычки. Успех его нельзя искать в учебниках или затверженных катехизисах искусства. Утесова можно объяснить, заменить его невозможно. Неповторимость сродни истинному таланту. И главное — Утесов никого не обманывает, он разговаривает не свысока, он свой и близкий, чуточку лукавый. Его сцепление с залом имеет духовные корни. Кто-то скептически морщится: у него же маловато голоса! Да, он не Козловский и даже не Александрович! Он к этим вершинам не стремится. В эстраде свои Казбеки.

Как ротный простой запевала,
Я шел с ней сквозь ветер
и дым,
А голоса коль не хватало,
Я пел ее сердцем своим.

Так Утесов говорит о песне, с которой он начинал и идет по жизни.

Утесов демократичен, причем во всем: в своем внешнем облике, в особенностях своего незаурядного дарования, в манере держаться, не отделяя себя от зрителя и в то же время угоднически не потрафляя ему, не растворяясь в нем. Он ведущий, а не ведомый. У него контакт особого рода, естественный, умный, озорноватый. Он подмигивает, но не смеется над теми, чьи чувства открыты навстречу ему. Он хорошо понимает музыку, «стенограмму чувств», по образному выражению Л. Толстого, и прочитывает ее умело и точно. Его оркестр, составленный из музыкантов-актеров, умело спаян, и подбор инструментов логичен и проверен на опыте.

Об Утесове можно говорить бесконечно. Какой это славный, милый, интересный человек! Мне посчастливилось узнать его близко, особенно в последние десять — пятнадцать лет. Утесова я представляю всегда радушным, человечным, живо реагирующим на любые проблемы нашей современной жизни. Оркестр Утесова очень подвижен. Афиши его представлений можно увидеть в разных городах нашей страны. Везде обеспечен успех. Появление Утесова — это праздник. Не думаю, чтобы мое утверждение кем-то оспаривалось. А нет, есть доказательство: зрительский плевисит, битком набитые залы, буря аплодисментов, улыбки, смех, веселье, а нужно по ходу задачи — и грусть. Утесов может и грустить, да, да... Не все дается и ему легко. И все же мы полностью рассчитываем на его оптимизм, на его любовь к человеку, на его повышенное чувство ответственности. Пусть не грустит Леонид Осипович. Ему это не к лицу. Пусть нас ободряет и радуёт его обаятельная улыбка, его естественная, покоряющая простота, его вечная молодость!

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
 Москва
 25 МАР 1965